
Егор Конев / Egor Konev
doktorant, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-7440-9108>
egorkonev1970@gmail.com

Репрезентация образов Польши и поляков в русской письменности в эпоху Смутного времени (конец XVI – начало XVII веков)

Введение

Почти девять столетий, с XII века и по настоящее время, образ Польши, её правителей и народа находился в сфере внимания русской общественной мысли. Этот интерес был сопряжен с самыми разноречивыми оценками. Некоторые из них становились преобладающими в течение длительных исторических периодов.

Одним из таких ключевых периодов в истории польско-российских отношений стала эпоха Смутного времени¹, которая по-разному оценивается польскими и русскими историками и политиками². В настоящее время, когда

¹ Один из наиболее значительных государственно-политических и социально-экономических кризисов в истории России, который ознаменовался стихийными бедствиями, массовым голодом, многочисленными случаями самозванства, гражданской войной, а также войнами с Речью Посполитой и Шведским королевством.

² Периодизация Смутного времени остаётся вопросом не только хронологии, но и интерпретации сути этого кризиса. Например, российский историк С.Ф. Платонов датировал Смуту 1598–1613 годами (от смерти Федора Ивановича, последнего царя из династии Рюриковичей, до избрания на царство Михаила Романова) (см. С.Ф. Платонов, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков*, Москва 1995). Историк Р.Г. Скрынников расширял рамки Смуты до окончания войны с Речью Посполитой в 1618 году (см. Р.Г. Скрынников, *Самозванцы в России в начале XVII века*. Григорий

польско-российские взаимоотношения находятся на пике напряжённости, историко-культурный опыт Смутного времени чрезвычайно актуален, поскольку именно в этот период в русской литературной традиции окончательно закрепились зловещие образы Польши и поляков, которые до сих пор используются как в риторике политических деятелей, так и в российском сегменте социальных медиа³.

О том значении, которое придаётся в современной России историческому опыту Смутного времени, свидетельствует празднование с 2005 года 4 ноября как Дня народного единства, установленного «в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году»⁴. В данном контексте события Смуты трактуются как важный этап защиты национального суверенитета и как урок о необходимости всенародной поддержки сильной централизованной власти для защиты от «происков Запада», проводником которого служит Польша.

Целью данного исследования является выявление специфики идейно-концептуального освещения событий Смутного времени через репрезентацию образов Польши и поляков в русских письменных источниках,

Отрепьев, Новосибирск 1987). В польской исторической науке этот период часто именовался *Димитриадами* (*Dymitriady*), которые означали серию военных походов с целью возведения на русский трон Лжедмитрия I (*Первая Димитриада*, 1604–1605 годы) и Лжедмитрия II (*Вторая Димитриада*, 1607–1609 годы) (см. A. Andrusiewicz, *Dzieje Wielkiej Smuty*, Katowice 1999). Историк А. Хиршберг дополнял *Димитриады* периодом Московской кампании 1609–1618 годов (см. A. Hirschberg, *Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku: zbiór materiałów do historii stosunków obu państw*, Lwów 1901).

³ Речь идёт не только о критических высказываниях пресс-секретаря Министерства иностранных дел России Марии Захаровой в адрес Польши за поддержку российской оппозиции, что сравнивалось с подстрекательством к новой Смуте, но об антипольском дискурсе в Рунете, в создание которого внесли значительный вклад такие популярные публицисты и блогеры, как Егор Холмогоров (утверждал, что Смута была первой попыткой Запада применить против России технологии «цветной революции»), Николай Стариков (объяснял Смуту предательством национальных интересов московской элитой), Дмитрий Пучков (трактовал Смуту как попытку Польшу устранить геополитического соперника в Восточной Европе), Владимир Мединский (его книги из серии «Мифы о России» доказывали, что только сплочение русского народа вокруг центральной власти спасло страну от превращения в колонию Польши) и другие. Многолетние нарративы этих и многих других авторов были нацелены на укрепление в российском обществе представлений об «извечной» враждебности Польши по отношению к России.

⁴ Утвержден Федеральным Законом *О Днях воинской славы*, который был подписан Президентом России 29 декабря 2004 года. Данный праздник был призван заменить 7 ноября, который с 1918 года отмечался как *День Великой Октябрьской социалистической революции*, а в 1996–2004 годах – как *День согласия и примирения. День народного единства* восстановил традицию 1649 года, когда царь Алексей Михайлович объявил 22 октября (по старому стилю) *Днем Казанской иконы Божией Матери* в память об избавлении Москвы и России от поляков. Этот праздник отмечался до революции 1917 года.

которые были созданы в конце XVI – начале XVII века и обладали качествами непосредственного свидетельства событий русской истории этого периода, их оценки и обобщений. Под репрезентацией в данном случае понимается «способ производства смысла и опыта через формы представления»⁵. Таким образом, репрезентация как результат представления какого-либо явления через символ или текст создает определенный контекст данного явления, активно конструирует его смысл, в результате чего абстрактное понятие становится доступным через форму, которая его представляет, – в данном случае посредством образов, запечатленных на страницах памятников русской книжной традиции.

Источниковедческой базой исследования послужили летописные своды и хронографы *Новый летописец*, *Бельский летописец* и *Хронограф 1617 года*, *Сказание Авраамия Палицына*, *Послания к русским городам патриарха Гермогена*, а также «статейные списки», опубликованные в серии *Акты Московского государства*.

Дипломатические инициативы и конфессиональное противостояние в зеркале русской письменности конца XVI века

В начале XVII века представление о Польском королевстве и поляках в русском общественном мнении, которое формировалось преимущественно на основе ценностных установок представителей высшей аристократии и иерархов православной церкви, базировалось на сочетании враждебности и страха, явившихся результатом поражения в Ливонской войне (1558–1583 годы) с Речью Посполитой и Швецией

Смерть короля Стефана Батория в декабре 1586 года и ожесточённая борьба политических группировок в период выборов третьего монарха Речи Посполитой сподвигли магнатов Великого княжества Литовского (в первую очередь князей Радзивиллов и канцлера Льва Сапегу) выдвинуть идею унии Польши, Литвы и Русского царства⁶. Завязались дипломатические переговоры, в ходе которых русскому царю Фёдору Ивановичу предложили выдвинуть свою кандидатуру на вакантный трон, а после избрания объединить Речь Посполитую и Русское царство на правах личной унии, гарантировать дворянские вольности и религиозные свободы в пределах двух монархий, а также начать войну против Крымского ханства и Османской империи.

⁵ А.И. Донцов, И.А. Асланов, *Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина*, «Медиаскоп» 2022, вып. 2, <https://www.mediascope.ru/2769> [дата обращения: 24.12.2025].

⁶ См. J. Wojas, *Unia polsko-rosyjska z 1815 r. na tle unii lubelskiej i projektów unii Rzeczypospolitej i Rosji z XVI i XVII w.*, „Studia Prawa Publicznego” 2017, nr 1 (17), s. 123–141.

Однако переговоры не дали положительных результатов, поскольку Москва отвергла идею федерации двух государств и настаивала на полном подчинении Польши и Литвы власти русского царя. В итоге кандидатура Фёдора Ивановича не была даже официально выдвинута для участия в выборах короля Речи Посполитой⁷.

Данная внешнеполитическая неудача Русского царства была крайне скупо отражена в русских письменных источниках конца XVI века, поскольку литературная традиция этой эпохи ориентировалась на легитимацию высшей власти и, соответственно, избегала сюжета, в котором царь всея Руси мог зависеть от воли иноземцев. По этой причине усилия русской дипломатии были зафиксированы лишь в *Разрядной книге 1475–1605 годов* («Тое же зимы послал царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси посольство к ляхом... промышляти, чтоб его, государя, обрали на королевство Польское и на Великое княжество Литовское»⁸), *Никоновской летописи* («И послаша к ляхом и к литве гонцов с листы, а в листах писано, чтобы они... послов своих присылали для доброго дела и соединенья христианского»⁹), а также в записях *Посольского приказа* («А послы наши, будучи в Польше... говорили, чтоб быть обоим государствам под одною высокою рукою»¹⁰).

Гораздо детальнее и экспрессивнее освещалась в русской письменности этого периода церковная Брестская уния¹¹, которая трактовалась преимущественно как «отступление от веры» под влиянием «латинства» и начало гонений на православных христиан. Так, в грамотах Посольского приказа, которые направлялись из Москвы в Варшаву, уния рассматривалась как нарушение древних прав и свобод («старины» и «правды») православной церкви, а в наказе («статейных списках») главе русского посольства князю Михаилу Салтыкову содержалось царское указание: «Писати к панам-раде, что в их землях чинится небывалое дело: веру греческую, в которой отцы

⁷ См. J. Malec, *Szkice z dziejów federalizmu i myśli federalistycznej w czasach nowożytnych. Unia Troista*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1999, 173 s.

⁸ *Разрядная книга 1475–1605 гг.*, т. 3, ч. 2, сост. Н.Г. Савич, Наука, Москва 1984, с. 116.

⁹ *Новый летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 14, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 39.

¹⁰ *Посольская книга по связям России с Польшей (1587–1600 гг.)*, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва 1994, с. 119.

¹¹ Решение ряда епископов Киевской митрополии Константинопольской православной церкви о переходе в подчинение папе римскому с одновременным сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Акт о присоединении к Римско-католической церкви был подписан в Риме 23 декабря 1595 года и утверждён в Бресте 19 октября 1596 года. Церковная уния распространилась на белорусских землях Великого княжества Литовского и украинских землях Польского королевства, которые с 1569 года образовали федерацию Речь Посполитая.

их жили, ныне разоряют и людей к своей папешской вере неволею приводят...»¹². На страницах *Нового летописца*¹³ утверждалось, что православные в Речи Посполитой, которые отказались признать унию, подвергались насилию: «И бысть в Литве православным христианам великое стеснение и гонение: церкви их запечатываху, а священников к латинской службе нудяху, и за то многую кровь проливаху»¹⁴. Подобные трактовки в будущем послужат русским царям обоснованием в необходимости защиты единоверцев на землях Речи Посполитой с помощью военной силы.

Таким образом, если во второй половине XVI века в посланиях царя Ивана Грозного опаснейшей «ересью», которая распространялась из Польши на восток, указывалось лютеранство, то с этого момента и на следующие четыре столетия главной мишенью русской официальной полемической литературы становится католичество. Если в период и после окончания Ливонской войны (1558–1583 годы) «польские и литовские люди» олицетворялись с «басурманами» (безбожниками), то после Брестской унии характеристику злейших врагов православной Руси получили «латиняне» (католики).

Семантика вражды: аксиологические характеристики «ляхов» и «латинян» как «бича Божьего» в русском летописании Смутного времени

Начало XVII века в русской истории ознаменовалось началом Смутного времени, которое можно с полным основанием считать пиком негативно-го, конфессионально окрашенного и политизированного отношения русского национального сознания к Польше и полякам. В эту эпоху «ляхи» (так согласно традиции русского летописания продолжали именоваться жители Польши) и «латиняне» служили как основной причиной системного кризиса русского государства и общества, так и объяснением этой причины, поскольку являлись «бичом Божьим» за грехи русского народа.

Со второй половины 1600-х годов в лексиконе русских летописцев и публицистов наряду с такими терминами, как «нестроение» (означало «отсутствие строя», то есть хаос в управлении и раздор между сословиями), «скорбь» и «теснота» (состояние крайней нужды и нищеты, тяжелого

¹² Памятники дипломатических сношений с Польско-Литовским государством (с 1587 по 1598 год), [в:] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Санкт-Петербург 1890, стб. 833. [Текст нумеруется по столбцам, а не по страницам].

¹³ Важнейший летописный свод XVII века, который завершил собой традицию русского летописания.

¹⁴ *Новый летописец*..., с. 48.

душевного состояния народа), широкое распространение получают такие характеристики поляков и союзных с ними «литовских людей» (подданные Великого княжества Литовского), как «прегордые ляхи», «разорители», «хищники», «мучители», «лукавые прельстители», «безбожные папешники» и другие. Подобные термины в большом количестве встречались на страницах *Нового летописца*, который отражал официальную точку зрения на события Смутного времени, а также *Пискарьевского летописца*, *Бельского летописца*, *Хронографа 1617 года* и других литературных памятников этой эпохи.

Например, в летописной повести *Иное сказание* (другое название – *Повесть о ростриге*) значительное внимание уделялось «лукавству» короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы и его советников, которые якобы использовали Лжедмитрия I для разрушения Российского царства:

Король же Сигизмунд и паны-рада, видя таковое нежданное пришествие врага Божия и разорителя веры христианской, возрадовашася радостью велиею и начаша с ним советы творити, како бы им в Московское государство войти. И прельстили людей русских своим коварством, яко лисицы лукавые, и через того злого ростригу сотворили великое нестроение и мятеж во всей Русской земле, хотяще истинную веру православную искоренити и свою латинскую ересь утвердити¹⁵.

Понятие «прельщение коварством» в данном контексте являлось категорией, посредством которой русские книжники объясняли успех интервентов, полагая, что победа поляков была результатом не их воинской доблести, но «дьявольского лукавства» и греховности самих русских людей, поддавшихся обману и принявших беглого монаха Григория Отрепьева за подлинного царевича Дмитрия.

Такие важнейшие события Смутного времени, как правление Лжедмитрия I (1605–1606 годы), воцарение и крах Василия Шуйского (1606–1610 годы), приглашение «семибоярщиной» на русский трон польского королевича Владислава в 1610 году и многих других нашли на страницах *Нового летописца* своё отражение и, в то же время, тенденциозную и субъективную оценку. Так, проект Сигизмунда III об объединении Речи Посполитой и Русского царства на правах личной унии под властью своего сына Владислава автор *Нового летописца* объяснял намерением этого монарха уничтожить православие и насадить на Руси католицизм («римскую веру»):

Придоша бо под царствующий град Москву лютые враги, польские и литовские люди, и с ними многие изменники, русские воры, хотяще святую веру

¹⁵ *Иное сказание*, [в:] *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*, т. 13, Издательство Академии наук СССР, Ленинград 1925, стб. 16–17.

греческую разорити и свою латинскую веру утвердити, и Московское государство в конечное запустение привести¹⁶.

Безымянный автор *Бельского летописца* полагал, что вступление польско-литовского гарнизона в Кремль и разорение Москвы в 1611 году преисполнили врагов грехом гордыни, который, как всякий грех, сулил им неизбежную гибель:

Поляки же и литва, живуще в Москве, бяху прегорды и высоки умом, и над людьми московскими ругахуся, и веру нашу православную во многая прелести порицаху. И во входах во святыя Божия церкви со оружием и в шапках вхождаху, и великое бесчинство чиняху¹⁷.

С этого времени выражение «прегордые ляхи» надолго становится характеристикой польской шляхты, а тщеславие и высокомерие, порождённое военными успехами далёких предков, — чертами национального характера поляков.

Авторы летописного *Хронографа 1617 года*¹⁸ характеризовали поляков как мастеров обмана, сравнивая их с *лукавыми лисицами*, которые «лукавым своим мудрованием всех прообманили» и действуя не столько военной силой, сколько «прелестью» (обманом), разрушали Русское государство изнутри. «Свирепые люди польские и литовские» на страницах *Хронографа 1617 года* выступали в роли орудия Божьего гнева, который был вызван моральным падением русского общества:

И за сие наше безумное молчание и за вся злая дела наша попусти Господь на ны бич Свой: придоша бо на ны иноплеменицы, людие свирепии, польские и литовские, и до конца землю нашу разориша, и святыя Божия церкви оскверниша, и кровь христианскую, яко воду, пролиша¹⁹.

Однако патриотический подъём в русском обществе в ответ на «прегордость» и жестокость *ляхов*, восстановил союз русского народа с Богом, а посредником в этом единении выступил земский староста Кузьма Минин:

И воздвиже Господь Бог в Нижнем Новгороде мужа некоего, именем Козму Минина... и нача той вопити ко всем людям: «О братия! Се ныне время

¹⁶ *Новый летописец...*, с. 66–67.

¹⁷ *Бельский летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 34, Наука, Москва 1978, с. 268–269.

¹⁸ Другое название *Хронограф второй редакции* — фундаментальный исторический памятник, который был создан вскоре после окончания Смуты предположительно книжниками из окружения келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына.

¹⁹ *Хронограф 1617 года*, [в:] *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, составитель Л.А. Дмитриев, Художественная литература, Москва 1969, с. 534

приспе, да поборем за святую веру и за дом Пречистые Богородицы». И тако собравшися многия рати, придоша под Москву и очистиша ю от скверных врагов наших, и град Божий из рук иноверных исхитиша, и паки тишина в земли нашей бысть²⁰.

Таким образом, *Хронограф 1617 года* обобщил репрезентацию образов Польши и поляков, которая присутствовала в более ранних русских литературных источниках. В данной системе политических координат они выступали в роли «бича Божьего», который с одной стороны объяснял причины «нестроения» и «тесноты» в эпоху Смуты, а с другой был призван сплотить русское общество перед угрозой со стороны «ляхов» и «латинян», которые едва не обрекли Русское царство на исчезновение.

Эсхатологическая интерпретация Смуты: образы поляков как «губителей душ» в сочинениях Авраамия Палицына и патриарха Гермогена

Негативная репрезентация образов Польши и поляков в эпоху Смутного времени была характерна не только русскому летописанию, но и публицистической литературе. Наиболее яркое воплощение она обрела в таких произведениях, как *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, написанного на основе личных наблюдений в 1620 году иеромонахом Авраамием Палицыным, и *Послания к русским городам*, написанных в 1610–1611 годах патриархом Гермогеном.

В русле уже сформировавшейся литературно-идеологической традиции Авраамий Палицын эмоционально сравнивал «ляхов» с «хищными волками», которые «церкви святые обнажиша» (грабили храмы), «кровь христианскую проливаху» и «землю Русскую пусту сотвориша». Вместе с тем в описании А. Палицыным занятия поляками Кремля в 1611 году обрело эсхатологическую интерпретацию:

И бысть у ляхов совет един: како бы град Москву до конца разорити. И начаша святыя церкви обдирати, и иконы чюдныя сокрушати, и вся сокровища царская износить; и в том своем злом совете не имеша милости ни к старым, ни к малым²¹.

В представлении мыслителей XVII века «совет» был высшим проявлением государственной воли, и поскольку поляки на своем совете пошли

²⁰ Там же.

²¹ А. Палицын, *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, подготовка текста и комментарии О.А. Державиной, Е.В. Колосовой, под редакцией Л.В. Черепнина, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1955, с. 249.

против «правды» и «веры», решив уничтожить Русское государство, то это делало их не просто захватчиками, а врагами Божиими.

Таким образом, *Сказание Авраамия Палицына* развивало традицию, заложенную четырьмя десятилетиями ранее в *Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков*, согласно которой военное противостояние Русского царства и Речи Посполитой уподоблялось «войне на небесах» – борьбе сил добра с воинством зла.

Аллегорический уровень репрезентации образа Польши и поляков присутствовал также в *Посланиях русским городам* (1610–1611 годы) патриарха Гермогена, который рассматривал события Смутного времени как глобальную трагедию, в ходе которой Россия стала полем битвы между истинной верой и антихристианством (к нему причислялось любое вероисповедание, кроме православного, в данном случае – «латинская ересь»). Сквозной мыслью посланий Гермогена служило утверждение о том, что смерть за веру в борьбе с «латинами» дарует прямой путь в рай. Данные утверждения стали катализатором создания Первого и Второго ополчений и придали национально-освободительной войне русского народа характер священной борьбы смиренных защитников веры против гордых иноплеменников. И поскольку тексты посланий Гермогена содержали призывы к вооруженному сопротивлению интервентам, то образ «латинян» (под которыми понимались «польские и литовские люди») в них был бескомпромиссен. Так, «латиняне» описывались как «прегорды и высоки умом», что, по мнению Гермогена, служило доказательством их «антихристовой» природы. Утверждение о том, что главной целью «латинян» является не политическое подчинение, а духовное уничтожение Руси, репрезентировалось через аллегорические сравнения с «лютými волками», которые ворвались в «стадо Христово» (русский народ), чтобы не только грабить, но «губить души». По этой причине Гермоген настаивал на том, что с поляками нельзя договариваться, и проклинал тех, кто поддерживал притязания королевича Владислава на русский трон:

А тем изменникам, которые стоят за королевича и за короля, и за польских и литовских людей, и хотят веру православную искоренити и латинскую утвердити, – да будут они от Господа Бога Вседержителя и от нашего смирения прокляты в сей век и в будущий!.. Да рассыплются кости их не погребены, и память их погибнет с шумом²².

Примечательно, что в 1610 году патриарх Гермоген являлся одним из активных инициаторов приглашения королевича Владислава на царский

²² Патриарх Гермоген, *Послание к русским городам и воеводам (1611 г.)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков*, Художественная литература, Москва 1987, с. 428.

трон, и только после отстранения «семибоярщиной» от власти и заключения в подвалы Кремля, приступил к написанию и рассылке воззвания, в которых Польша описывалась как источник «скверны», которую нужно «выместить» из Москвы. Смерть Гермогена от голода в заточении сделало его в глазах современников святым мучеником, а страх перед патриаршим «проклятием в будущий век» побудил многих россиян примкнуть к ополчению старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. *Послания к русским городам* Гермогена придали вооруженному сопротивлению полякам характер испытания от Бога, и только победа в этой войне гарантировала Божье прощение.

Безусловно, репрезентация образа Польши и поляков в русской письменности в начале XVII века не отражала подлинной сложной ситуации взаимоотношений и противоборства как между правящими элитами Русского царства и Речи Посполитой, так и внутри самих дворянских группировок в период Смуты. В этой связи следует учитывать, что мы имеем дело с источниками, которые были созданы или отредактированы уже после изгнания польско-литовского гарнизона из Кремля в 1612 году, избрания на царство Михаила Романова в 1613 году и окончания русско-польской войны 1609–1618 годов. Однако даже после заключенного в декабре 1618 года Деулинского перемирия Польша и Литва еще длительное время оставались экзистенциальной угрозой для Москвы. В результате образы «ляхов» и «латинян» как коварных противников и носителей чуждой веры стали архетипическими и оказали длительное влияние на русскую общественную мысль в последующие века.

Заключение

Проведённое исследование репрезентации Польши и поляков в русской письменности в эпоху Смутного времени позволяет сделать следующие выводы:

1. Историко-культурный опыт русской Смуты актуален для нынешнего времени, когда польско-российские взаимоотношения достигли пика напряженности, поскольку в конце XVI – начале XVII веков окончательно сформировался образ поляков как извечных врагов русского народа, который в течение длительного времени оказывал влияние на русское общественное сознание и до сих пор активно используется в политике и пропаганде.
2. Репрезентация образа Польши и поляков в конце XVI века претерпела существенную трансформацию от сдержанной констатации внешнеполитических неудач до формирования устойчивого образа экзистенциального врага. Ключевым фактором этой трансформации стало наложение застарелого военно-политического конфликта (поражение

Русского царства в Ливонской войне 1558–1583 годов) на конфессиональное противостояние, которое усилилось после принятия в Речи Посполитой Брестской унии 1596 года. Если во второй половине XVI века главным духовным врагом русского православия являлось лютеранство, то отныне эта функция приписывается «латинству» (католическому вероисповеданию).

3. С началом Смутного времени описание «прегордых ляхов» и «коварных латинян» в русском летописании и публицистике обрело метафизическое измерение. «Польские и литовские люди» описывались не столько военными противниками, сколько проводниками «дьявольского лукавства» и орудием Божьего наказания за то, что русское общество признало Лжедмитрия I за подлинного сына Ивана Грозного. Использование устойчивых эпитетов («лукавые лисицы», «лютые волки») и антитез (смирненное православие против «латинской ереси», сулящей утрату национальной идентичности и христианской души) позволяло сакрализировать образ врага, который в момент глубочайшей национальной разобщенности позволил консолидировать силы русского народа вокруг идеи защиты веры и суверенитета.

Но вместе с тем, нельзя не отметить, что после завершения Смутного времени наступила эпоха постепенного культурного и политического сближения Польши и России, которое уже в последней трети XVII века ознаменовалось заключением политических союзов и коалиций, и в этой параллели можно увидеть надежду на то, что и нынешний кризис в польско-российских отношениях завершится новым витком дружеского взаимодействия двух крупнейших славянских государств.

Литература

- Бельский летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 34, предисловие Б.А. Рыбакова и В.И. Буганова, Наука, Москва 1978, с. 238–271.
- Донцов А.И., Асланов И.А., *Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина*, «Медиаскоп» 2022, вып. 2, <https://www.mediascope.ru/2769> [дата обращения: 24.12.2025].
- Иное сказание*, [в:] *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*, т. 13, Издательство Академии наук СССР, Ленинград 1925, стб. 910.
- Новый летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 14, под редакцией С.Ф. Платонова, П.Г. Васенко, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 23–154.
- Палицын А., *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, подготовка текста и комментарии О.А. Державиной, Е.В. Колосовой, под редакцией Л.В. Черепнина, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1955, 308 с.

Памятники дипломатических сношений с Польско-Литовским государством (с 1587 по 1598 год), [в:] *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. 10, под редакцией С.А. Белокурова, Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Санкт-Петербург 1890, стб. 1–1504.

Патриарх Гермоген, *Послание к русским городам и воеводам (1611 г.)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков*, Художественная литература, Москва 1987, с. 569–578.

Платонов С.Ф., *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков*, Памятники исторической мысли, Москва 1995, 469 с.

Посольская книга по связям России с Польшей (1587–1600 гг.), подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва 1994, 740 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг., т. 3, ч. 2, составитель Н.Г. Савич, Наука, Москва 1984, 728 с.

Скрынников Р.Г., *Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев*, Наука, Новосибирск 1987, 218 с.

Хронограф 1617 года, [в:] *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, составитель Л.А. Дмитриев, Художественная литература, Москва 1969, с. 520–545.

Andrusiewicz A., *Dzieje Wielkiej Smuty*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 1999, 497 s.

Malec J., *Szkice z dziejów federalizmu i myśli federalistycznej w czasach nowożytnych. Unia Troista*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1999, 173 s.

Hirschberg A., *Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku: zbiór materiałów do historyi stosunków obu państw*, t. III, Wydawnictwa Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Lwów 1901, 370 s.

Wojas J., *Unia polsko-rosyjska z 1815 r. na tle unii lubelskiej i projektów unii Rzeczypospolitej i Rosji z XVI i XVII w.*, „Studia Prawa Publicznego” 2017, nr 1 (17), s. 123–141, <https://doi.org/10.14746/spp.2017.1.17.6>.

Резюме

Предметом рассмотрения является эволюция образов Польши и поляков в русских литературных памятниках рубежа XVI–XVII веков. Репрезентации Польши и поляков в русской письменности в данный период позволяют проследить основные этапы конструирования устойчивого образа экзистенциального врага. На основе анализа русских летописных сводов и хронографов, сочинений Авраамия Палицына и патриарха Гермогена выявляется роль конфессионального фактора в сакрализации антипольского нарратива. Показано, как в условиях системного кризиса Русского царства, который получил название Смутного времени, подданные Речи Посполитой нарекались «ляхами» и «латинянами» и наделялись метафизическими чертами «губителей душ». В русской письменности этой эпохи поляки служили причиной всех бед русского общества и, в то же время, объяснением этой причины, поскольку выполняли функцию «бича Божьего» за грехи русского народа. Сформулированный

в эпоху Смуты образ поляков как коварных врагов русского народа стал архетипическим и до сих пор используется в российской политике и блогосфере.

Ключевые слова: Смутное время, Польша, русские летописи, публицистика, репрезентация, *ляхи*, *латиняне*

The Representation of the Images of Poland and Poles in Russian Writing during the Time of Troubles (Late 16th – Early 17th Centuries)

Abstract

The subject of this study is the evolution of the images of Poland and Poles in Russian literary monuments at the turn of the 16th and 17th centuries. The representations of Poland and Poles in Russian writing during this period allow for the tracing of the key stages in the construction of a persistent image of the existential enemy. Based on an analysis of Russian chronicles (*letopisnye svody*), chronographs, and the works of Avraamy Palitsyn and Patriarch Hermogenes, the study identifies the role of the confessional factor in the sacralization of the anti-Polish narrative. It is shown how, under the conditions of the systemic crisis of the Russian Tsardom known as the Time of Troubles, the subjects of the Polish-Lithuanian Commonwealth were labeled as «*Lyakhs*» and «*Latins*» and endowed with the metaphysical traits of «*destroyers of souls*.» In the Russian writing of this era, Poles served both as the cause of all the Russian society's woes and as the explanation for that cause, fulfilling the function of the «*Scourge of God*» for the sins of the Russian people. The image of Poles as treacherous enemies of the Russian people, formulated during the Time of Troubles, became archetypal and continues to be utilized in contemporary Russian politics and the blogosphere.

Keywords: Time of Troubles, Poland, Russian chronicles, publicistic literature, representation, *Lyakhs*, *Latins*, image of the enemy